

РЕЦЕНЗИИ



Пфистер О.

ХРИСТИАНСТВО И СТРАХ. ЖИЗНЬ БЕЗ БРЕМЕНИ ВИНЫ И УЖАСА ПЕРЕД НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ

пер. с нем. Е. Шелковниковой. М.: Эксмо, 2019. 544 с.
ISBN 978-5-04-095202-1

УДК: 27

DOI: 10.31802/PWG.2020.4.2.011

Впервые с момента написания в 1944 году стал доступен на русском языке труд швейцарского психоаналитика, педагога и пастора Оскара Пфистера (1873–1956), который кропотливо создавался автором на протяжении 36 лет. Фундаментальное произведение посвящено сути и истории христианской любви в ее применении к единственной, однако невероятно важной проблеме — проблеме страха (С. 33).

Пфистер предлагает читателю полномасштабный исторический обзор борьбы со страхом в религиозной жизни на примерах Моисея, Судей, Пророков, Иисуса Христа, реформаторов, пиетистов, деятелей Просвещения, неопротестантов. Роль страха в жизни верующего человека профессионально иллюстрируется примерами навязчивых идей, истерических симптомов, депрессий и даже маниакальных возбуждений, возникавших в разные периоды существования христианских общин. Опираясь на концепцию «священного» феноменологии религии Рудольфа Отто, автор обозначает этапы возникновения и развития страха, показывает, как происходит его трансформация под воздействием бессознательного, освещает скрытые тенденции, проявляющиеся в момент возникновения страха, демонстрирует влияние страха на нравственное поведение, на любовь к Богу и ближним. В своей книге Пфистер отвечает на ряд концептуальных историко-психологических вопросов относительно того, «как именно христианство относилось к страху в ходе своего развития, как пыталось победить страх перед жизнью и страх вины, какие условия позволяют сохранить христианскую веру

от пагубных искажений, а ее последователей от вреда, какое место отвести избавлению от страха в жизненной задаче христиан, возможно ли для людей, в частности, для христиан, устранить страх совершенно и нужно ли к этому стремиться любой ценой» (С. 38).

Осмысливая причины страха в философско-религиозном контексте, Пфистер рассматривает отношение к нему в произведениях Сёрена Кьеркегора, Мартина Хайдеггера, Зигмунда Фрейда, Альфреда Адлера, критически переосмысливая их идеи. Раскрывая проблему исчезновения любви, Пфистер подчёркивает, что слова апостола Иоанна Богослова из Первого соборного послания проникают в душу глубже, чем вся материалистическая медицина: *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви* (1 Ин. 4, 18). Исцеление патологического страха и невроза навязчивых состояний, преодоление массового и личного страха, вызванного чувством вины, достигается лишь силой и масштабом любви. Предпринимая попытку дифференцировать страдания, порождаемые религиозным страхом, психолог указывает на то, что чаще всего люди не знают, как освободиться от ощущения гнева Божия, от мыслей о будущих нескончаемых мучениях в аду. Экстремальный пессимист, подавленный собственным отношением к жизни, из-за невроза, порожденного страхом, полон презрения к каждому не-пессимисту, обвиняя его в поверхностности и считая его неспособным осознать бездну и ужас жизни, переживаемые несмотря на все обещания Евангелия, увещевания духовника, исповедь и молитвенное правило. Также и меланхолик склонен к презрению обычных людей, поскольку слеп для радости и красоты жизни и не обращает внимания на ее светлую часть. Как часто наблюдал автор во время душепопечительства, невротически мрачные проповедники описывают учение о спасении в соответствии со своими собственными страхами, а при соответствующих склонностях доводят людей до такого душевного помрачения, против которого не может помочь даже Благая Весть Иисуса Христа.

Затрагивая ветхозаветную историю, Пфистер акцентирует внимание на том, что религиозные практики, прописанные до мельчайших подробностей, умиротворяли страх и давали сильное религиозное наслаждение, но каждый, кто не нес в себе страха или испытывал иной страх, неизбежно воспринимал эти правила как невыносимую ношу. Фарисейское благочестие и законничество, а также учение книжников превратились в непрестанный источник удовольствий для всех, склонных к соответствующему страху, а те, кто не имел подобной склонности,

страдали от такой формы набожности и питали к ней отвращение. Даже самые строгие требования в отношении соблюдения субботы и чистоты были благом, поскольку подразумевали действия, обещавшие повлечь за собой Божественное одобрение, либо как частичная оплата долга, либо как проявление послушания, приятного Богу. Их жизненной задачей стало исполнение внешних законов (С. 167–168). Автор разделяет общеизвестную позицию о том, что невероятно трудно прощать до *седмижды семидесяти раз* (Мф. 18, 22), и как знаток невротозов подчеркивает, что ужасные страдания могут возникнуть в душе человека и развиться в болезнь из-за вытесненной ненависти, если он отказывается простить ближнего.

На основе анализа ситуаций, которые свидетельствуют о приближении психоневротической слепоты, Пфистер даёт психотерапевтическую интерпретацию событию явления Спасителя апостолу Павлу. Разрушение семей, грубая жестокость и насилие ожидали христиан Дамаска, единственной виной которых была вера во Христа. Напряжение Савла, которому было приказано мучить христиан, достигло своего апогея и нашло свою разрядку в явлении Спасителя (1 Кор. 15, 8). Последовавшая за этим событием слепота при открытых глазах (Деян. 9, 8) и её психотерапевтическое исцеление подчёркивают невротический характер описанного переживания. Христос, вызвавший у Савла на пути в Дамаск чувство ужаса, после Своего явления превратился в объект любви, в прекрасный свет, воссиявший из тьмы (2 Кор 4, 6), субъект слился с объектом, что позволило апостолу Павлу уверенно проповедать: *Уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал 2, 20), *Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17) — свобода, в первую очередь, от страха, *ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия* (2 Тим. 1, 7) (С. 216).

Такие действия Духа, как глоссолалии (1 Кор 12, 10) относятся Пфистером к патологическим явлениям, что он подробно разбирает в своей монографии «Психологическая расшифровка религиозной глоссолалии и автоматической криптографии» (С. 247). К сожалению, Пфистер даже не упоминает о святоотеческой сокровищнице толкований Священного Писания, примеры бесценного опыта православного пастырского душепопечения ему не известны, никак не рассматривается православная аскетическая традиция с ее методологией врачевания различных форм страха. Тем не менее, автор полностью согласен с тем, что христианство — религия любви и, следовательно, преодоления страха.

Разбирая на страницах книги значительное количество уникальных случаев из своего многолетнего опыта аналитического душепечителя ревностных католиков, Пфистер подчеркивает, что для них страх является главным мотивом не только в несущественных вопросах, но и в самой сути католического благочестия и религиозных практик. Страх и его преодоление в католичестве гипертрофированы настолько, что способствуют формированию компульсивных форм коллективно-невротического характера по сравнению с ранним христианством и протестантизмом. Создается впечатление, что у католиков нет других проблем, только постоянная борьба со страхом, проникшим в широкий спектр представлений, парализующим все жизненные силы, приводя к полному духовному краху (С. 252).

Значительное внимание Пфистер уделяет фазам становления протестантизма, выделяя три ключевых периода: Реформация, протестантская ортодоксия и внутрипротестантская эпоха личностных проявлений. Каждый из периодов рассмотрен психологом на предмет выявления отношения к страху и методам противостояния ему с учетом различий религиозно-нравственных взглядов (С. 313). Апеллируя к историческим фактам и обильно цитируя проповеди и Большой катехизис Мартина Лютера, эталона страданий от страха среди реформаторов, Пфистер делает заключение о том, что инициатор Реформации так и не смог побороть свой религиозный страх, несмотря на создание учения о благодати (С. 324). Приводя на страницах книги пикантные подробности из жизни Цвингли, Пфистер делает заключение о том, что, даже если некоторые действия швейцарского реформатора нам, современным людям, кажутся жестокими, он, благодаря любви к Богу, к ближнему и к самому себе, был утренней звездой, и призванием его было — сиять. В его жизни почти не осталось места для ненормального страха и его последствий, и напротив, моральное развитие, освобожденное от страха, дало толчок к благородным и милосердным свершениям. Как психолог и специалист по религиозной терапии, Пфистер без предвзятости рассматривает и факты из жизни Кальвина, изучает обстоятельства дела без обвинений, восхвалений или приукрашиваний, стремясь понять те процессы, которые происходили в жизни Кальвина, исследует, в какой форме он ограничил проблему страха, приводя исторические свидетельства о том, что с церковной кафедры, и вне ее, в письмах и проповедях Кальвин требовал суровых наказаний, свидетельствующих об искажении евангельской истины, порожденном неврозом (С. 379).

Обобщая факты огромного культурного пласта, Пфистер указывает на то, что реформаторов вдохновляло не столько стремление разрешить проблему вины и страха в контексте религиозной традиции своей эпохи, сколько желание непосредственного переживания любви Бога. Религия и медицина в борьбе со страданиями, рожденными навязчивыми идеями и страхами, едины в главном: любовь должна быть на первом месте. Приводя красивое высказывание, ошибочно приписываемое Августину: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, и во всем — любовь», Пфистер излагает 8 постулатов терапии страха.

- 1) Чтобы избавиться от страха, христианин должен выстроить своё отношение к религии так, чтобы любовь Христа определяла его веру и жизнь — насколько это возможно. То же самое и в душевной терапии, ибо в «любви нет страха».
- 2) Избавление от страха не смеет притязать на то, что решит все проблемы христианской любви и веры, это лишь одна из задач.
- 3) В природе христианской любви и благочестия заложена терпимость, которую постулирует душевная терапия, главное, чтобы проявлялась любовь в том смысле, в каком понимал её Христос.
- 4) Терапия страха требует героического христианства.
- 5) Если религия призвана защищать от страха, в ней должна быть вера, проявленная в любви — эта религия должна быть общинной, обращённой к ближним, и тот, кто разделяет эту религию, должен любить ближних, служить им и поддерживать их.
- 6) Неизменное присутствие чувства вины и рождённого им страха не позволяет нам ограничивать стремление к жизни и жажду удовольствий системой нравственных запретов. Если мы не добавим к ней более ценные радости и возвышенные цели, непременно необходимы компенсации.
- 7) Терапия страха напоминает нам о том, что способность к сублимациям у людей разнится. Там, где не удаётся успешно воплотить сублимации в любовь, там уже таится страх, и все христианское благочестие оказывается под угрозой, ибо его просто неправильно поняли.
- 8) Там, где подавления сопровождаются мощными вытеснениями и не позволяют развить основу для практического воплощения религии, из которой могут родиться высокие религиозные, нравственные, эстетические ценности, там духовник должен аналитически пройти до глубин подсознания, преодолеть

скрытые там препятствия и сделать так, чтобы подопечный воспринял любовь, побеждающую страх (С. 477–482).

Несмотря на отсутствие в книге упоминаний о практике православного душепопечения, Пфистер удивительно точно излагает ее универсальные рекомендации по врачеванию мучительного страха: «Ничего более прекрасного, чем любовь, человек не может испытать ни на земле, ни на небе. В ней сливаются воедино высочайший авторитет и высочайшая свобода, полное преодоление страха и замена страха радостью, ведущая к свободе. Благоговейная молитва из любви, благодарности, доверия, почтительное восхищение величием Божиим как способ высказать всё то, что мучает и давит, в том числе и совершенный грех, причастие, усердная молитва о помощи во внешних и внутренних нуждах, о содействии в исполнении тяжелых задач и обязанностей, о стойкости являются бесценными средствами христианской компенсации страха, они препятствуют возникновению опасных вытеснений и задействуют целительные пути любви и содействия жизни» (С. 496).

Завершает Пфистер книгу, вынося диагноз. Человечество было и остается больным, потому что такова его любовь, оно страдает, потому что эта любовь отчасти задушена эгоизмом, отчасти страхом, тем самым вытеснена и изувечена на пути к неврозу. В этом виновато не само христианство, воплотившееся в учении, жизни и смерти и воскресении Христа, а его невротизация, которая произошла благодаря страдающим неврозом христианам, богословам, клирикам и мирянам, как его упрощение (десублимация) (С. 513).

О Православии Пфистер упоминает лишь вскользь в контексте новейшей церковной истории в конце книги, говоря о Всемирной конференции в Стокгольме 1925 года, на которой представители протестантских общин и Православной Церкви обсуждали вопросы практического христианства (С. 512). К сожалению, Пфистеру не был известен бесценный опыт Святых отцов в деле врачевания страха и его разновидностей, среди которых боязнь, испуг, ужас, беспокойство, тревога, скорбь, что нашло отражение в таких трудах как «Точное изложение православной веры» прп. Иоанна Дамаскина, «Слово против язычников» свт. Афанасия Великого, «Строматы» Климента Александрийского, «Вопросоответы к Фалассию» прп. Максима Исповедника, «Слова подвижнические» прп. Исаака Сирина, «Беседы на Евангелие от Иоанна» свт. Иоанна Златоуста, «Подвижнические слова» Диадоча Фотикийского, «Собеседования» прп. Иоанна Кассиана. Очевидно, что плодом утраты любви стало чудовищное обнищание и опустошение жизни,

невыносимое одиночество, неуверенность, культурная атрофия, духовно-моральный вакуум, нигилизм, беспринципность и морально-интеллектуальный упадок, софистический релятивизм, о чем с ужасом писал не один автор. Однако можно предположить, что при знакомстве с православной традицией, тональность книги была бы выдержана иначе, преобразив и самого автора. Несомненно книгу стоит прочесть для более глубокого и полного анализа отношения к проблеме страха в христианских общинах в исторической ретроспективе, что приблизит читателя к ответу на главный вопрос, заданный автором бестселлера о главенствующей роли любви в жизни человека: «Как религиозный страх влияет на нравственное поведение, любовь к Богу и ближним?»

Иеромонах Дамиан (Воронов)